

РЭЙ ХАРТ

ЛЮСА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВОРОВКИ

Рэй Харт

Лиса

«Автор»

2026

Харт Р.

Лиса / Р. Харт — «Автор», 2026

Омаха, 1870-й год. Золотая лихорадка закончилась. Лиса - карманница без гроша в кармане - только что лишилась всего: денег, вещей и украденной сумки с картой сокровищ. Теперь ей приходится выживать: стирать бельё до кровавых мозолей, продавать сомнительные бальзамы и прятаться от прошлого, которое вот-вот настигнет её в лице Жан-Поля - человека, который поклялся отомстить. Но в этом городе, пропахшем хлебом и пылью, Лиса находит неожиданное: мальчишку с глазами совёнка, старого китайца с редкой улыбкой и ковбоя, которого цыганка велела остерегаться. Кто сказал, что вор не имеет права на счастье? И что золото - единственное настоящее сокровище?

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Лиса

Глава 1

Кража за кражу

С последней ступеньки паровоза пришлось прыгать. Удовольствие, скажу я вам, ещё то – хорошо хоть лодыжку не свернула. Чёрная сумка полетела следом, брошенная чьей-то раздражённой рукой. Со мной всегда так: где бы я ни оказалась, все норовят избавиться поскорее. Как от бородавки. Знаете, это когда она появляется, и её сразу хочется свести, удалить, стереть с тела. Не то чтобы я сравнивала себя с напастью, но осадок, согласитесь, остаётся.

Я запрещаю себе нервно оглядывать прохожих, но всё равно оглядываю. Бегаю глазами по лицам в тайном страхе: только бы не узнать никого или хуже, что бы меня не узнали. «Успокойся, – шепчу я себе. – Ты за много миль от опасности». И делаю то, что делаю всегда: натягиваю серую шляпу на самые брови, отряхиваю пыльный подол и, прижимая к себе дорожную сумку, бреду к станции.

Честно? Я даже не расслышала названия города, куда меня занесло. Какая-то китайка орала как резаная весь последний час, и перекрыть этот гам было невозможно. И из-за чего, спрашивается? Кошелёк у неё пропал. Смешно. Я того кошелька в глаза не видела. Клянусь вам.

На табличке у вокзала значилось «Омаха». Могло быть и хуже. Город небольшой, тут можно затеряться на пару недель. Впрочем, теперь меня зовут Элизабет Смитт. Имя давно приглянулось, и вот наконец появился случай его примерить. Где я его слышала? Кажется, в каком-то детективном романе.

На станции, пыльной и прокуренной, я вызнала адрес дешёвой гостиницы. Пришлось продать лошадь, чтобы купить билет на этот проклятый паровоз. «Не жалея, – шепнуло подсознание, – твой верный друг спас тебе жизнь». И правда: без денег с продажи Бесси, плыл бы сейчас мой труп по реке или мирно покачивался на ветру, привязанный к суку.

В сумке уныло позвякивал скарб. Почти мой скарб: кое-что я успела прихватить из мебелированных комнат в Сакраменто, когда уходила в спешке.

Главная улица Омахи бурлила народом. Только что прибывшие пассажиры, встречающие, вечно спешащие проходимцы, которые всё никак не поймут, что в Небраске золота не больше, чем в их тощих карманах. Лихорадка, она как чума: кого не убьёт, того покалечит. Мужчины бросали жён, детей, стариков – родителей, чтобы сорвать свой куш, а когда понимали, что игра не стоила свеч, либо не возвращались вовсе, либо оседали там, где их настигло разорение.

Мои ботинки бойко застучали по деревянному настилу моста. Река подо мной блестела на солнце. Это напомнило мне Париж: я так же шла когда-то по мосту через Сену в поисках ночлега, и река, грязная, бурлила внизу, нагоняя тоску.

Именно там я встретила Жан-Поля. Эта река была чище – на дне у берега виднелись гладкие камни, – но тоска в ней плескалась так же, как и в её грязной парижской сестре.

Мне вдруг отчаянно захотелось скинуть это дорожное платье и прыгнуть вниз. А затем, долго – долго тереть волосы и мыть подмышки, пока кожа не заскрипит от чистоты. Пальцы вцепились в облупленные перила, глаза жадно гладили воду. Наверное, я бы сиганула, если бы краем глаза не заметила странное движение.

Моя сумка, только что стоявшая у ног, ловко, будто в танце, исчезла в толпе. Её уносили две цепкие мальчишечьи руки.

– Стой! – завопила я не своим голосом. – Верни! Сумку верни!

Подхватив юбки, я рванула следом, в сотый раз благодаря судьбу за то, что не надела дурацкий кринолин – последний писк моды, из – за которого дамы в вагоне смотрели на меня с таким презрением.

Воришка улепётывал со скоростью ветра. «Шустрый гадёныш.»

Зря я пренебрегала уроками Жан-Поля: он всегда твердил, что такая особа, как я, должна уметь быстро бегать.

– Мистер, задержите мальчишку! – крикнула я мужчине в чёрном котелке.

Он только вытаращил глаза и не пошевелился. В бешенстве я налетела на него плечом, проносясь мимо, и только потом поняла: я кричала по-французски. Идиотка!

Юнец мелькнул грязными пятками за углом каменной часовни и исчез, будто его и не было. Я добежала до поворота, лёгкие горели огнём, воздух врвался в горло со свистом.

– Поздравляю, Лиса, – выдохнула я в пустоту. – Только приехала – и уже потеряла всё.

«Да, я разговариваю сама с собой. Вы привыкнете.»

Я развязала ленты у шляпы, прижала ладони к вискам... и расхохоталась. Громко, отчаянно, на всю улицу. Я смеялась до слёз, давась смехом, пока он не перешёл во всхлипы. Я, знаете ли, не совсем леди. И тут меня накрыло: мне отплатили той же монетой. Кража за кражу.

Прохожие недоумённо на меня косились. Я вытерла лицо платком и побрела обратно, к мосту. Теперь – то уж точно никто не помешает мне прыгнуть. Рука сама потянулась к потайному кармашку на груди, нащупала кожаный мешочек. Надо бы пересчитать деньги, но я не решалась. Неведение – мой девиз. В сумке, которую утащил мальчишка, лежали почти все мои сбережения. Но не их мне было жаль. На самом дне той сумки были вещи, которые я не имела права терять.

Я снова стояла на мосту. Подол платья трепал ветер. Я уже занесла ногу, собираясь перелезть через перила, когда хриплый голос остановил меня:

– Не советую.

Он стоял слева, в низко надвинутой ковбойской шляпе, из-под полей которой не разглядеть было глаз, и лениво жевал спичку. Такими спичками Жан-Поль раскуривал свои вонючие сигары. Я резко отвернулась и снова полезла на перила. Терпеть не могу непрошенных советов.

– В это время года Миссисипи мелеет, – лениво продолжал незнакомец. – Грохнитеесь башкой о камни. А мне хоть бы хны, но, боюсь, вывернет меня наизнанку при виде окровавленного трупа. А я только что плотно пообедал.

Так вот почему вода такая прозрачная! Я уставилась на каменистое дно и живо представила, как моё тело плывёт лицом вниз, оставляя за собой алый след... Нет. Нет! Но картинка, чего греха таить, завораживала. Ногу я опустила, но руки с перил не убрала.

– То-то же, – одобрительно хмыкнули сзади.

«Невероятно! Его не спрашивали, а он всё комментирует. На дух не переношу наглецов. Иди своей дорогой, ковбой!»

Я окатила его таким взглядом, что, будь на его месте кто другой, испарился бы на месте, и зашагала прочь от моста, прочь от него. Спина горела под его взглядом. К таким вещам я чутка: в приюте меня за это прозвали Лисой. Так и подмывало обернуться и показать язык, но я сдержалась.

«Ладно, Лиса. Пусть кража заветной сумки, будит самым большим несчастьем, что случилось с тобой в этом городе».

Верю ли я в это?

Глава 2

Удачный день

Желудок взвыл так жалобно, что я попыталась вспомнить, когда в последний раз ела. В вагоне, точно. Но вот что именно грызли мои зубы – хоть убей, не скажу. Кажется, заветренный кусок старого сыра, которым меня угостил любезный священник. Они пахли одинаково – и сыр, и священник. Кислым, старым, безнадежным. Хорошо хоть не ядовитым.

До гостиницы надо было добраться как можно скорее, но я решила идти пешком. Экономия, мой дорогой друг, превыше всего, пока я не придумаю, где раздобыть ещё денег.

Спустя полчаса умеренной ходьбы и нескольких расспросов местных жителей я стояла перед нужным зданием.

«Удачный день» – гласила вывеска, когда-то яркая, а теперь выцветшая до состояния «еле читаемая». Двухэтажная деревянная развалюха с коричневой крышей. Вдохновения не прибавилось.

Я энергично взбежала по скрипучей лестнице. На входе меня окутало плотным облаком – смесь дешёвого табака и немых тел. Честно говоря, ничего иного я и не ждала. Прямо напротив двери обнаружилась стойка управляющего, слева – дверь и лестница наверх, справа – небольшой бар с круглыми столами, заполненный от силы наполовину. Пара замызганных окон да закопчённая люстра со свечами кое-как освещали комнату. Местечко смахивало на салун, но выглядело чище. Я не стала тратить время на разглядывание посетителей.

Шагаю прямо к стойке, к немолодому мужчине. Улыбнулась быстро, как учили. Он улыбнулся в ответ, явив миру жидкие зубы.

– Добрый день, сэр. Не могли бы вы подсказать, где найти владельца этого чудесного заведения? – на слове «владелец» я сделала театральный жест рукой, намекая, что вижу хорошее заведение.

– Он перед вами, мэм, – довольно ответил мужчина.

– О, чудесно! Мистер?

– Питер Хук, мэм. Чем могу служить? – Он вытер руки о фартук, который уже давно потерял право называться чистым. Похоже, тут он и швейцар, и бармен, и управляющий в одном лице.

– Меня зовут Элизабет Смитт. Я только что прибыла из Сакраменто и хотела бы снять комнату.

Пока я говорила, его глазки бегали по мне в поисках багажа. Секунда – и щербатый рот снова растянулся в улыбке.

– Мисс Смитт, позволю себе поинтересоваться...

– Да, пожалуйста. – Сейчас спросит, где мои чемоданы, старый дурак.

– Надолго ли к нам? Городишко у нас небольшой, народ разный шастает, я должен знать своих постояльцев. В целях безопасности, разумеется.

Последнюю фразу он добавил, заметив моё недоумение.

«Ах ты хитрый сукин сын! Старый как пень, а туда же.» Я кашлянула в кулак, прочищая пересохшее горло. Главное – не сорваться и не захватить по этому рыхлому красному носу.

– Думаю, на пару недель. Мой жених подъедет на днях с нашим багажом, ему пришлось задержаться в пути. – Я закатила глаза. – Ну, знаете, мужские дела.

Он кивнул, будто понял. По спине побежали мурашки – верный признак, что я на взводе. Я часто злюсь по пустякам, но сейчас была грань: ещё немного, и я рухну в обморок от голода и усталости прямо на этот грязный пол. Ботинки, сташенные у соседки по комнате, натёрли пальцы до волдырей. Урок на будущее: прежде чем водить дружбу с девушками, убедись, что у вас совпадает размер обуви.

– У него там небольшой бизнес, в тонкости которого я не посвящена, – продолжала врать я. Если меня не остановить, могу и не такое придумать.

– Конечно-конечно... – промямлил Хук. Из рта у него несло луком так, что даже мой пустой желудок содрогнулся. Хорошо, что внутри ничего нет, иначе пришлось бы блевать прямо на стойку.

– Так что насчёт комнаты?

Он медлил. Неспешно достал засаленный журнал в чёрной обложке, поводит пальцем по колонкам, то и дело бросая на меня быстрые, недоверчивые взгляды. Я улыбалась и хлопала ресницами, пока скулы не свело судорогой.

«Я умираю с голоду! Шевелись, жирный боров!»

– Свободно три. Одна для молодожёнов, с видом на реку.

– Вид меня не интересует, – перебила я.

Он зыркнул так злобно, что я прикусила язык.

– Ещё две одноместные, с умывальником. Вам они не подходят.

– Вполне устраивают! – энергично кивнула я. «Почему это не подходят?! Что ты задумал, старая поганка?»

– А как же ваш жених, мэм? – его рыжая лохматая бровь поползла вверх.

– Ах, Генри! – легко выкрутилась я, махнув рукой. – Пока я проживу в одной из этих комнат, а когда он придет – подберём что-нибудь для него. Но мы пока не женаты, так что комнаты у нас будут разные.

Щёки вспыхнули румянцем. Он, небось, подумал, что от смущения. Ага, от злости они пылали. Я картинно откинула длинную косу волос и вопросительно уставилась на Хука. Дотошный тип.

– Плата вперёд, – сменил он тон на меланхолично-деловой и весь преобразился. Откуда ни возьмись на носу появились очки-половинки, в руке – карандаш. – За день вперёд. Гарантия, что постояльцы не сбегут, не заплатив.

Оплата. Рука машинально потянулась к груди, где в потайном кармашке лежал мешочек. Надо было раньше пересчитать.

– Разумеется, мистер Хук. Могу я посетить уборную на пару минут, прежде чем мы займёмся расчётом?

– По коридору налево, первая дверь.

Он послуновил карандаш и что-то стал записывать в журнал. По его холодному, лаконичному тону я поняла: доверия нет ни на грош. И действительно, платье поношенное, шляпа серая от пыли, без единого пёрышка – невеста богатого жениха из меня так себе. Обидно, когда с тобой обращаются хуже только потому, что ты выглядишь не как леди из высшего света.

В уборной воняло мочой. Зажав нос, я лихорадочно вытряхнула монеты на ладонь. Не глядя. Боялась. Несколько секунд собиралась с духом и всё-таки посмотрела.

Глава 3

Приступ

Какая нелепость! Кто в здравом уме таскает по Дикому Западу китайские монеты? Немыслимо. От злости я швырнула деньги на пол, и они рассыпались по грязным углам жалким, звенящим веером. И ради этого она орала так, будто я украла её первенца? На них даже воды не купишь.

Что теперь делать?

Я не впервые осталась без гроша – бывало и хуже. Но сумку украли, а там лежали вещи, которые можно было заложить, и немного наличности. Там было всё. А главное – ключ и карта.

Я закрыла глаза, пытаюсь дышать ровно, но смрад уборной лез в горло, не давая успокоиться.

Припадок накатил внезапно, как всегда. Я осела на пол там, где стояла, и дрожь забила меня палками по всем суставам, не оставив ни одного целого места. Падение вышло неудачным и до одури болезненным, но тогда я этого не почувствовала – боль приходит после. Сознание затянуло мглой, и я провалилась в темноту.

Очнулась от настойчивого стука в дверь. Сколько прошло? Пять минут или полчаса – я не знала. Каждый приступ обрывает ту тонкую нить, что связывает меня с реальностью, и приходится заново вплетать себя в этот мир. Как же я это ненавижу! Моё тело, но я не всегда могу им распорядиться: является тёмная липкая лапа, хватает когтями за плечо и тащит в бездну, не спросив разрешения.

Стук стал жёстче, настойчивей. А я сидела на полу и плакала – от радости, что очнулась, и от обиды, что снова случился приступ. Слезы текли сами, пока я приходила в себя.

– Ещё минуточку! – мой голос прозвучал так хрипло и чужо, что я оглянулась в поисках говорившей. Но нет, я здесь одна. Голодная, в слезах, в грязной вонючей каморке, и ни гроша за душой. Положение хуже некуда.

И тут в памяти всплыло.

Несколько месяцев назад, в Париже. Я тогда ещё жила у Жан-Поля. Гуляла по пустынной улице, и вдруг цыганка вцепилась мне в руку – чёрные бусинки глаз впились в моё лицо, потом в ладонь. Я уже занесла зонтик, чтобы огреть нахалку, но она заговорила, и фраза остановила меня:

– Ты шкоро попадешь в беду, куколка. Оштерегайся «Ворот на запад». И будь начеку ш человеком ш разными глазами! Он ишменит тебя!

Гнилые зубы шелестели, как закипающий суп. Я тогда не придавала значения – мало ли, что мелет уличная гадалка? Но теперь поняла.

Омаху после постройки железной дороги прозвали «Воротами на Запад». Священник в вагоне рассказывал. Для меня эти Ворота стали позорным пятном неудачи на фоне моей лисьей везучести.

– Мисс Смитт, если вы сейчас же не откроете, я вышибу дверь! – визжал хозяин гостиницы.

Видимо, припадок длился дольше, чем мне казалось. Я ухмыльнулась, представив, как он лупит своим пузом в дверь, и на четвереньках поползла собирать монеты. Противно, униЗИтельно, но это единственное, что у меня есть. Если бы я знала тогда, как эти жалкие китайские кругляши мне помогут, не кривилась бы, а собирала как манну небесную.

Хук пошёл на таран. Я схватила полотенце, флакон с мыльной водой и – шмыг в окно. Повезло: первый этаж. С ловкостью драной кошки приземлилась на четвереньки и, прихрамывая, припустила прочь от вывески «Удачный день», которая сегодня надо мной просто издевалась.

Минут через десять, убедившись, что погони нет, я перешла на шаг. Солнце садилось, в окнах загорались огни, из салунов доносился пьяный гомон. Я поёжилась – не от холода, от мысли, что ночевать придётся под открытым небом. Силы покидали моё худое тело: я не ела и не пила уже бог знает сколько.

Самая большая глупость – держать все деньги в одной сумке. Из – за этого все беды.

– В следующий раз, Лиса, будь не такой душой, – прошипела я себе под нос.

Когда я начала разговаривать сама с собой? Лет в девять, кажется. В приюте святого Михаила. Мисс Бланш, которую мы за глаза звали Жабой, носила на лице россыпь бородавок и вечно сальный нос. Жидкие седеющие волосы, чепец, и хлыст с железным наконечником за поясом – она с ним даже спала, наверное. Лупила нас нещадно.

Однажды она очередной раз огрела меня по шее, и я сорвалась. Потеряла контроль, вырвала хлыст у неё из рук и сломала надвое. Он хрустнул и упал к её ногам. Откуда взялась

сила – не знаю до сих пор. Но я отчётливо видела, как её глаза налились кровью и праведным гневом.

Страшно ли мне было? Нет, ни капли. Я будто знала: больше, чем я сделала ей, она уже не сделает. Она поволокла меня за ухо через весь коридор, девчонки испуганно выглядывали из дверей, а я орала так, что до сих пор удивляюсь, как ухо осталось на месте. С тех пор оно кажется немного больше другого.

Жаба заперла меня в комнатухе без окон на неделю. Без еды, почти без воды. Вот тогда я и начала разговаривать с собой – это помогло не сойти с ума. И тогда же случился первый припадок. Язык присох к нёбу, так же как сейчас.

Жажда мучила нестерпимо. Клянусь, я бы лакала из лужи, если б нашла.

Из салуна вывалились двое пьяных ковбоев, хватаясь друг за друга и спускаясь с крыльца по нужде. А я стояла напротив, в тени деревянного дома. Пахло молотой пшеницей, затхлой мукой и свежим хлебом.

Булочная. Рядом лежал мешок с отрубями. Я невольно вспомнила отрубные лепёшки, которыми кормили в приюте, – они были на вкус как подошва. Сейчас я бы проглотила их десяток, не жуя.

Голова закружилась. Я присела на мешок, потом завалила его на бок и легла, подтянув колени к подбородку. Украденное полотенце сунула под щёку. Через минуту провалилась в сон.

Как бы мне сейчас пригодилась та мягкая шаль, что осталась в украденной сумке...

Глава 4

Мама

Мне приснилась мама.

Она лежала на кровати в своей комнате и тянула ко мне бледную руку. В кулаке был слабо зажат листок. Я хотела взять его, но не могла дотянуться – меня уносило всё дальше и дальше. А потом я упёрлась спиной в чьё-то тело. Обернулась – и увидела ненавистное лицо, покрытое бородавками. Жаба.

Я дёрнулась во сне и открыла глаза.

Странно. Я видела маму во сне всего однажды. Как раз в день похорон. Мне тогда было лет восемь.

На погребение собрались те немногие родственники, что никогда нас не навещали. Мамина сестра Дебора Джанини, уехала сразу после поминок со своим итальянским мужем. Мама говорила, у них огромная виноградная плантация и винодельня – одна из лучших в сардинском королевстве. Почему их так называют, кстати? Не знаю. Но семья Джанини нам никогда не помогала. А разве они обязаны? Кто виноват, что мама выбрала в мужа лихого, но бедного моряка Самюэля Грея?

Он погиб, так и не узнав, кто у него родился. Мальчик или девочка.

Тогда я стала сиротой лишь наполовину.

Мама очень болела. Вернее, печаль съедала её медленно, изнутри. Я помню её смутно: высокая светловолосая женщина с вечно печальными зелёными глазами. На похоронах родственники шептались, что во мне ирландская кровь, и мамина внешность передалась мне точь-в-точь. Они переглядывались и пророчили мне ту же судьбу.

«Нет уж. Это не мой случай».

Я решила вообще замуж не выходить. К чему мне лишние заботы? Я о себе-то едва могу позаботиться. Какие уж тут муж и дети.

Я знаю, от чего умерла мама. Она не смогла жить без любимого мужа. Горе по капле выпило её до дна. Он был всем её смыслом, а меня... меня оставила совсем одну.

А вот как погиб отец – неизвестно. Рыбаки часто пропадают в море. Он просто не вернулся в назначенный срок. Ни через месяц, ни через полгода. Лодка, на которой он ушёл, вместе с двадцатью другими моряками, так и не вошла в наш порт.

Каждый раз я придумываю новую смерть для него. То его накрывает огромная волна, и дырявая лодка переворачивается. То акула откусывает ноги, и он красиво умирает на руках товарищей, жалея, что не увидит жену и ребёнка.

«Страшно ли мне было, что он жив и просто не захотел возвращаться к беременной жене? Я скрещу пальцы и скажу вам: такие мысли меня не посещали. Определённо нет.»

Аманда Грей ждала мужа больше четырёх лет. А потом в её сознании что – то надломилось. Она перестала шить, слегла. Тётка Дебора не приехала в тот тяжёлый год, только изредка слала открытки с короткими вопросами о здоровье сестры. Я нашла три или четыре штуки в маминых вещах. Обо мне – ни слова. Будто меня и не было.

Соседи помогали, чем могли. Кто еду принесёт, кто свечи, кто поношенное платье для меня. Они смотрели с жалостью и трепали по светлым вечно лохматым волосам. Так я и росла. И эти воспоминания были хорошими. Меня никто не бил, не наказывал и – главное! – не таскал за уши.

Когда мне исполнилось восемь, мама уже не узнавала меня. Она неистово звала своих родителей, покинувших этот свет много лет назад. И в последний вечер они всё – таки пришли на её зов. Я слышала, как она ласково говорила с ними, тянула худые руки к стене и смотрела туда, где никого не было. Трясаясь от страха, я пряталась за дверным косяком.

Она поднялась с постели. Сама. Хотя месяцами не вставала. Бросилась в чьи – то невидимые объятия, зарыдала – и упала на пол мёртвая.

Откуда я знала, как выглядят мёртвые?

У них пустой, неподвижный взгляд, от которого бегут мурашки. Я видела много дохлых кошек и собак, когда гуляла одна по городу. Другие дети тыкали в них палками, пытались сдвинуть с места, а я не могла оторваться от их стеклянных глаз.

Потому я и поняла: мама умерла.

И сразу испугалась другого: что соседские мальчишки узнают про покойника и прибегут тыкать в неё палками.

Глава 5

Совёнок и тёплая булочка

Я открыла глаза и сразу поняла: меня разбудил чей – то взгляд. Это у меня в крови – чуют каждый направленный на меня взор. Лисья кровь.

На меня в упор смотрели два огромных серых глаза, пыльные щёки и кепка, съехавшая набок. Мальчишка застыл неподвижно, но рот его потихоньку открывался – видимо, готовился заорать.

– Привет, совёнок! – опередила я его вопль.

Села на мешке и поняла, что каждая косточка во мне поёт от боли после этой ночи. «Господи, как же всё болит!»

– Как тебя зовут?

Мальчик молчал.

«Вот гадёныш!»

Стоял на месте, переводил взгляд с меня на окно деревянного дома и обратно. На вид лет пять – шесть, не больше. Интересно, он вообще разговаривать умеет?

Я огляделась. Вчера я уснула на заднем дворе пекарни, на мешках с отрубями. Хорошо хоть пьяные ковбои из салуна сюда не добрались.

Я подмигнула парнишке:

– Я Элизабет. Кажется, я случайно уснула здесь вчера вечером.

Сероглазый продолжал тарашиться молча. Я пригладила волосы, встала с мешка, ещё хранившего моё тепло. Мальчик отступил на шаг, и я поняла: сейчас рванёт за подмогой.

– Эй, совёнок, я умираю с голоду! – выпалила я. И почему я его так называю? Но правда: огромные глаза, вздёрнутый нос – вылитый птенец совы.

Я закатила глаза и выразительно погладила живот.

– А я завтракал, – прочирикал птенчик.

«Ага! Заговорил. Отлично.»

– Здорово! Завтрак – это просто потрясающе. Жаль, я не могу себе его позволить.

Я вздохнула как можно печальнее.

– Все мои вещи украли. Я совсем не знаю, что теперь делать.

В серых глазах вспыхнул интерес. Он засунул руки в карманы, перепачканные мукой, перекатился с пятки на носок. Кепка совсем съехала, еле держалась на лохматой голове.

– Я не знаю, осталось ли у нас что... Надо у папы спросить.

«Этого только не хватало!»

– О нет-нет-нет! – замахала я руками. – Лучше ты сам принеси мне одну лепёшку или булочку. Что вы там печёте? А я тебе за это историю расскажу. Например, как у меня сумку с сокровищами украли.

«Дожилась. У ребёнка еду выклянчиваю. Но я такая голодная, что Бог простит и в этот раз.»

– Как тебя зовут, совёнок? – спросила я снова.

С детьми я умею. Они как собаки: приласкай – и будут преданы до конца. Главное – не привязываться самой, потом они раздражать начинают.

– Пип, мэм.

Он поправил кепку и пнул камешек.

– Очень приятно, Пип. Так как насчёт булочки?

– Я сейчас, – выпалил малыш и припустил во двор.

Я выдохнула.

«Хорошо, что меня нашёл он, а не его папаша с ружьём. И что теперь? Ждать или бежать? А если он приведёт отца? А следом мать выбежит, вся в муке, со скалкой наперевес?»

Но в голове уже крутилась картинка: тёплая, огромная, неприлично вкусная булочка. Может, с изюмом. Или с повидлом. А лучше – и с тем, и с другим.

«Да хоть с лягушками, мне всё равно. И стакан молока... или кофе... хотя вряд ли они здесь кофе пьют.»

Слюни мгновенно смочили пересохшее горло.

«Ладно, рискну. Останусь. Либо поем, либо получу скалкой – как карта ляжет.»

– Правильно, Лиса, оставайся. Сейчас выйдет пекарь и прихлопнет тебя тем же мешком, на котором ты дрыхла, – пробурчала я себе под нос.

И тут же услышала: шир-шир-шир – шаги по гравию.

Пекарь.

И, наверное, с ружьём.

Глава 6

Жан-Поль и его советы

– У страха глаза велики, – сказал мне Жан-Поль, закуривая дорогую кубинскую сигару, целую коробку которых он недавно украл из лавки.

Он ловко закинул ногу на ногу и устало посмотрел на меня поверх облака дыма.

– Но бояться, дорогуша, это не плохо.

В носу защипало. Терпеть не могу запах табака. Ни разу не пробовала курить, хотя девчонки в приюте вечно убегали за курятник и пыхтели там как паровозы, шурясь от дыма с таким видом, будто это верх блаженства.

– Я ничего не боюсь! – ответила я с вызовом.

– Очень опрометчиво, дорогуша.

«Ненавижу, когда он меня так называет. Да, Жан-Поль дал мне крышу над головой, но это не даёт ему права!»

– Почему же? – процедила я сквозь зубы. Между ними как раз был зажат шнурок от шляпы, которую я вертела в руках.

– Бояться нужно многого, дорогуша. – Он встал и зашагал по комнате из угла в угол. – Полиции, судей, тюрьмы, голода. И так далее, и тому подобное. Следует бояться, если дорожишь своей свободой и своей жизнью.

При словах «судья» и «тюрьма» я заскучала. Взгляд поплыл по выцветшим обоям, по дешёвой люстре с бронзовым напылением, по паре мух, что кружили вокруг свечей.

– Если быть осторожной и предусмотрительной, то всего и делов – вовремя уносить ноги, – лягнула я.

Фраза вышла так себе, но мысль понятна.

– Не совсем. – Он сделал паузу, глубоко и с наслаждением затянулся. Кончик сигары вспыхнул красным цветком и тут же погас. – Такая особа, как ты, должна уметь быстро передвигаться, но... Убегать – это крайний случай. Когда уже совсем нет другого выхода.

В эту минуту Жан-Поль до ужаса напомнил мне павлина. Нам в приюте показывали картинки с этой важной птицей. Я чуть не фыркнула: представила его в образе павлина, важно вышагивающего по потёртому ковру, готового вот-вот распустить свой роскошный хвост.

Он вдруг склонился надо мной и посмотрел прямо в глаза своими прозрачными, как льдинки, зрачками.

– Послушай, дорогуша. Это серьёзно. Если ты попадёшь в беду, то и я вместе с тобой. – Будто знал, что я витаю где-то не здесь. – Если ты не будешь внимательна к моим урокам, боюсь, мне придётся искать на твоё место кого-то другого.

«Кстати, павлин – это ж просто большой петух, да?» Промелькнуло в голове.

«Стоп! Будь внимательна, дорогуша! Тьфу. Я уже сама себя так называю».

– Будь спокоен, Жан-Поль. Ты был так добр ко мне и многому меня научил. Поэтому, даже если меня поймают – а этого никогда, никогда и никогда не случится, – я не выдам тебя. Клянусь!

«Врунишка». Хорошо, что под платьем не видно скрещённых пальцев.

– Я всему тебя обучил! – в сердцах воскликнул он.

«Павлин. Бесспорно».

– Да, прости, ты ВСЕМУ меня обучил. И я тебя не подведу.

«Нехорошо врать, Лиса. Очень нехорошо».

Он наконец отошёл к окну, выходявшему на соседний кирпичный дом, затушил сигару в пепельнице на крашеном подоконнике, задёрнул штору и повернулся ко мне. Всё с таким театральным пафосом, будто мы не в дешёвой квартирке, а на сцене «Гранд-опера».

Я сидела на стуле не двигаясь уже бог знает сколько времени, спина устала, ноги затекли. Но Жан-Поль явно чувствовал власть надо мной именно сейчас, когда я сижу, а он стоит. Может, потому что он ниже меня ростом?

– Я скоро поручу тебе одно очень важное для меня дело, дорогуша.

Ладони мгновенно вспотели.

– Благополучный исход этого мероприятия решит мои финансовые проблемы.

Кто ж знал, что это «дело» и правда решит финансовые проблемы? Только мои. А Жан-Поль угодит в тюрьму.

Именно тогда я обзавелась своим первым смертельным врагом.

Глава 7

История о сокровищах

Ноги шаркали по гравии, а через пару секунд из-за угла показалась знакомая мордочка и та же кепка. Мальчишка шёл медленнее обычного – нёс в руках тарелку.

Я впиалась в неё взглядом. Неполный стакан молока и две булки. Даже за несколько метров я учуяла их запах – тёплый, сдобный, божественный. Слюна хлынула мгновенно, живот заурчал так громко, что, наверное, было слышно во дворе.

– Пип! – я всплеснула руками и потянулась к еде, как утопающий к лодке. – Какой же ты молодец! И молоко! Ты даже подумал про питьё! Я не могу выразить, как я рада тебя видеть.

«И эти булочки. Особенно эти булочки».

Мальчишка наконец добрался до меня и протянул алюминиевую тарелку. Щёки его разругались – то ли от смущения, то ли от гордости. Я этого не заметила. Я вообще ничего вокруг не замечала, кроме еды.

Я вцепилась зубами в первую булку, даже не разглядев, какая она. И тут же, совсем по-детски, отхлебнула молоко. По подбородку потекло, но мне было плевать.

Первая булка исчезла в считанные секунды. Только когда с ней было покончено, я обрела дар речи.

– Пип, спасибо тебе огромное. Ты меня очень выручил.

Рука уже тянулась ко второй.

«Пожалуйста, Лиса, не ешь как собака», – приказала я себе, пережёвывая сладкую мякоть. Яблочная начинка. Райское наслаждение.

– Это всё, что я нашёл, – как бы извиняясь, проговорил совёнок. – Мы не печём про запас. От жары быстро сохнут.

Всё это время он с огромным интересом наблюдал, как я уничтожаю его добычу.

– О, Боже... – простонала я, допивая остатки молока.

Пип вдруг засмеялся. Я не поняла, а потом сообразила: надо ртом белая полоса. Молочные усы. Я подыграла – сделала вид, что знать не знаю ни о каких усах, и важно смотрела на него, пока он заливался смехом.

Потом вернула ему тарелку и потянулась, как сытая кошка.

– Ты спас мне жизнь, совёнок.

Я льстила как могла. Кто знает, может, удастся перекусить здесь ещё не раз.

– Пожалуйста, – промямлил Пип и выплеснул последние капли молока себе под ноги. – А вы... вы не забыли про обещанное?

Я глупо захлопала глазами.

«Обещанное? Что я могла ему наобещать? Да что угодно, в таком-то состоянии».

Брови мальчишки нахмурились.

– История! – напомнил он с обидой. – Про сокровища в сумке!

– Ах, точно! – хлопнула я себя по лбу. – Вот глупая. Да-да, конечно. Сумку у меня украли.

Я уселась поудобнее, вытерла губы украденным полотенцем и начала рассказ.

– Ну, слушай, совёнок. – Я откинулась на мешок, прищурилась на утреннее солнце и начала. – Это случилось в городе, который называется Париж. Слышал про такой?

Пип мотнул головой. Кепка снова съехала набок.

– Вот и правильно. Город как город, ничего особенного. Но в том городе жил один человек. Очень богатый. И очень, скажем так... нехороший.

Я сделала паузу – для важности.

– Он держал в руках половину всего золота, что везли с приисков. Скупал у старателей за бесценок, а сам сидел в своём особняке и считал монетки. И была у него шкатулка. Маленькая, обитая красным бархатом. Но не в ней было главное сокровище.

– А где? – глаза Пипа стали ещё больше.

– В сумке, – загадочно улыбнулась я. – В самой обычной чёрной сумке, с виду потрёпанной, ничем не примечательной. Но внутри... О, внутри лежали такие вещи, за которые тот богач готов был отдать полгорода.

Пип замер. Даже дышать, кажется, перестал.

– Там был ключ, – продолжила я шёпотом. – Старинный, чугунный, с узорами. Ключ от комнаты, где богач прятал самое дорогое. И там была карта. Нарисована на клочке бумаги, но если знать, как на неё смотреть...

– Что там было? Что на карте?!

Я выдержала паузу. Люблю это дело.

– Там был отмечен дом, где спрятано всё золото, которое богач не успел спрятать в банк. Он думал, что никто не знает. Но я знала.

– Вы её украли? – выдохнул Пип.

– Я? – я театрально прижала руку к груди. – Я, Пип, всего лишь бедная девушка, которая случайно оказалась в том доме. Совершенно случайно. И так же случайно увидела эту сумку. Она лежала на кресле, никем не охраняемая. Будто сама просилась в хорошие руки.

Мальчишка смотрел на меня с таким восхищением, что я почти поверила в свою невиновность.

– И что дальше?

– А дальше, совёнок, началась самая весёлая часть. Богач хватился пропажи через час. И поднял на уши всю французскую полицию. Меня искали везде: на вокзалах, в гостиницах, в порту. Но я уже плыла на пароходе, а потом тряслась в поезде. Сидела в вагоне, жевала сыр, который дал мне один добрый священник.

– А они? – Пип подался вперёд. – Полицейские?

– А они ворвались в поезд. Обыскали каждый угол. Я спрятала сумку под сиденье, накрыла юбкой и делала вид, что сплю. Представляешь, совёнок? Они прошли в двух шагах от меня и ничего не заметили.

– Ух ты! – выдохнул Пип.

– Но это ещё не всё. – Я понизила голос до шёпота. – В той сумке, кроме ключа и карты, лежала одна очень старая монета. Китайская. Богач держал её как талисман, верил, что она приносит удачу. И знаешь что?

– Что?

– Она принесла удачу мне.

Я замолчала, давая ему переварить мой рассказ.

– А где она сейчас? – спросил Пип почти шёпотом. – Где сумка?

Я тяжело вздохнула и развела руками.

– Унесли её, совёнок. Прямо здесь, в Омахе. Какой-то шустрый парнишка, чуть постарше тебя, утащил прямо из-под носа, пока я стояла на мосту и думала о гостинице.

– Ой-ёй... – Пип искренне огорчился. – И что теперь?

– А теперь я здесь, с тобой, – улыбнулась я. – Без сумки, без карты, без ключа. Но знаешь, что я поняла?

– Что?

– Самое главное сокровище – это когда после голодной ночи тебе приносят вкусные булочки и молоко.

Пип засмутился, отвернулся и опять пнул камешек.

– А монета? – спросил он, помолчав. – Китайская?

– А что монета? – я пожала плечами. – Монета у меня. Была в кармане на груди, в мешочке. Так что не всё потеряно.

Я подмигнула ему.

– А про ключ и карту – это ты... – Пип замялся. – Вы... это придумали?

Я посмотрела на него долгим взглядом. Солнце уже поднималось выше, пыль искрилась в воздухе, и где-то за забором закричал петух.

– А как ты думаешь, совёнок?

Глава 8

Пекарь

Я как раз приплела в свою историю много интересного: про то, как китайская монета светилась в темноте, будто маленький глаз дракона, когда гравий за спиной Пипа заскрипел совсем близко.

И тяжело. Очень тяжело.

Я подняла глаза. И всё внутри ухнуло вниз. Надо мной стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, с руками по локоть в муке и с таким лицом, что сразу хотелось встать, извиниться и раствориться в воздухе. Фартук, когда-то белый, сейчас был серым от пыли, рукава засучены, на лбу блестел пот. И глаза – тёмные, усталые, но с таким прищуром, будто он уже прикидывал, куда меня закопает.

– Пип, – сказал он негромко. Голос низкий, без злости, но от этого ещё страшнее. – Ты что тут делаешь?

– Пап... – Пип вскочил, кепка слетела с головы. – Пап, это... это Лиз... то есть мисс Элизабет. Она...

– Я вижу. – Мужчина перевёл взгляд на меня. – Доброе утро, мисс. Вы не объясните, почему вы спите на моих мешках, а мой сын кормит вас моим хлебом?

Я встала. Ноги немного дрожали – то ли после ночи на мешке, то ли от его взгляда.

– Мистер... – я кашлянула, прочищая горло. – Мистер, простите за вторжение. Я не хотела доставлять неудобства. Просто я приехала в ваш город вчера, у меня украли все вещи, и я...

– Она голодная была! – выпалил Пип, дёргая отца за фартук. – Пап, она вообще ничего не ела! И у неё украли сокровища!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.